

Особенности адаптации заимствованных политических институтов на постсоветском пространстве

Анастасия МИЛЮКОВА,
аспирантка кафедры политологии
Одесского национального университета
им. И. И. Мечникова

SUMMARY

In the article the role of political institutions that were imported in transitive political systems of post-Soviet space is analyzed. The modern approaches of analysis of institutional transformations in transitive societies are used. The author grounds the features of the social actors' adaptation process to the institutional forms that were imported.

Key words: adaptation, political institute, political transformation.

После стремительного распада СССР и образования на его территории новых суверенных государств казалось, что, воспользовавшись опытом развитых стран Запада, они смогут относительно быстро и безболезненно перейти к демократии. Однако со временем эти надежды не оправдались, что породило пессимистические оценки перспектив демократического транзита в постсоветском регионе. Главная претензия к несовершенству «новых демократий», к которым относится и Украина, касается поверхностного и неэффективного характера функционирования в них демократических институтов и практик. С позиций парадигмы транзитологии негативные процессы постсоветской трансформации иногда трактовались через призму так называемой «модели краха или провала» (model failure), под которой понимается неспособность трансформирующихся стран достичь целей демократии. Однако впоследствии стало ясно, что «транзитологические концепции, такие популярные в 80-е годы прошлого века, не смогли объяснить многие неудачные случаи демократических транзитов, поскольку не уделяли должного внимания

институциональным (структурным) факторам». [12, с. 69]

Актуальность всестороннего и комплексного исследования различных адаптационных стратегий политических субъектов на переходном этапе общественного развития сегодня очевидна. «Скорость трансформационных преобразований напрямую связана со способностью самого общества адаптироваться и принимать новые формы взаимодействия в условиях сохранения прежних стереотипов, ценностных установок, норм взаимодействия в сознании людей», – отмечает И. Ситнова. [14, с. 28] Кроме того, характер, формы и темпы процесса адаптации имеют особое значение для преодоления кризисных явлений переходного периода, «потому что именно в его ходе осуществляется «перевод» сигналов посылаемых с макроуровня государственно-политических и социально-экономических институтов на микроуровень – к реальной деятельности населения. Именно результаты адаптации позволяют выявить истинный смысл и содержание совершающихся перемен, так как принципиально важны не декларируемые на макроуровне намерения, а социальный

результат производимой трансформации, возникающий на микроуровне как итог соответствующего адаптационного «перевода». [4, с. 24]

Учитывая вышесказанное, автор поставил своей целью определение и обоснование собственной научной позиции относительно роли заимствованных политических институтов в процессах адаптации политических систем постсоветских стран к переходному состоянию развития, а также их места в формирующемся политико-институциональном порядке.

Анализ последних исследований показывает, что сегодня вопрос институциональных трансформаций становится одним из центральных в западных концепциях социальных трансформаций. Новейшие исследования институциональных преобразований в рамках политической науки базируются на широком спектре различных методологических направлений. [см.: 10] Работы зарубежных и отечественных авторов, которые, так или иначе, способствуют решению проблемы адаптации заимствованных политических институтов к новой социальной среде, можно сгруппировать следующим образом:

а) метатеоретические исследования, авторы которых предпринимают попытки выработки общей логики и принципов концептуализации процессов общественной трансформации, и, в том числе, их институциональной составляющей: социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), структурно-деятельностная концепция социетальных трансформаций (Т. Заславская, М. Шабанова), теория институциональных матриц (С. Кирдина), активистско-деятельностный подход (И. Ситнова);

б) теоретико-методологические исследования, в которых излагаются основы или осуществляется критический анализ различных направлений и версий институциональной теории, а также прорабатываются концептуальные рамки изучения определенных институциональных феноменов в

постсоветских обществах, в частности, работы Б. Вейнгаста, К. Зегберса, Дж. Найта, Д. Норта, К. Оффе, П. Панова, С. Патрушева, П. Холла, К. Шепсла, концепции «дефектных демократий» В. Меркель и Л. Круассан, «неформальных институтов и практик» Г. Хелмке и С. Левитски и «институциональных ловушек» В. Гельмана и А. Хлопина, «двойной институционализации» Е. Головахи и Н. Паниной и т.п.;

в) транзитологические исследования, в которых освещаются особенности режимных изменений и политико-институциональных процессов в странах постсоветского пространства, объясняются отдельные их аспекты (Т. Карл, Т. Кузьо, Ю. Мациевский, М. Подхомутникова, В. Фисун, Ф. Шмиттер);

г) исследования, осуществляемые в русле концепции модернизации и затрагивающие вопросы исторической эволюции политических институтов на территории бывшего СССР, а также социокультурный аспект их дальнейшей трансформации (Г. Зеленко, И. Кравченко, В. Лапкин, В. Мачкув, В. Пантин, В. Федотова и др.).

Проблематика адаптации, в свою очередь, рассматривается в работах по социологии (О. Злобина, С. Хутка), политической психологии (Г. Дилигенский, М. Ромм), социологии культуры (Э. Маркарян, Л. Шпак) и многих других направлениях социальных наук. Опираясь на традиции, заложенные Т. Парсонсом и Д. Истоном, в системном измерении функцию адаптации рассматривают и политологи (М. Анохин, А. Шабров). Как следствие, существует разноаспектное видение адаптации и полисубъектность определений ее содержания. Но именно бурные процессы социальных трансформаций, происходящие в последнее время, потребовали формирования общесоциологического подхода к этому явлению. Они были реализованы в формировании концепции и общих основ теории социальной адаптации (Л. Корель, С. Кравцов, П. Кузнецов).

Политологические разработки этой проблематики, к сожалению, до сих пор крайне редки. Достаточно симптоматично в этом смысле выглядит попытка украинского автора А. Карпяка соединить в своем исследовании два уровня анализа – системный и личностный. [6] Осуществив развернутый обзор научных представлений о сущности политической адаптации, он констатирует как неоднозначность ее трактовки, так и разнообразие методологических установок, среди которых преобладают структурно-функциональные и психологические подходы. [7, с. 101] Среди прочего, отмечается и недостаточная степень научной разработки адаптации заимствованных политических институтов, их роли в формировании институционального порядка.

Институциональная адаптация определяется как процесс (и результат) приспособления социальных институтов к изменениям внешней среды. Субъектами адаптации выступают социальные институты – регулярные и долгосрочные социальные практики, которые санкционируются и поддерживаются с помощью формальных и неформальных правил, норм, установок. Институциональная адаптация направлена на самосохранение соответствующего института в новых условиях. Однако институты не являются заданными и неизменными сущностями, так как изменения в социальной практике, происходящие под влиянием изменения жизненных условий, а также «саморазвития» людей, способны привести как к модификации существующих институтов, так и к возникновению новых институциональных форм. [8, с. 204-205]

Политические институты способны выступать субъектами адаптации, поскольку призваны устанавливать и регламентировать различные связи индивидов, групп и сообществ с широкой социальной средой, а также реагировать на изменения, которые в ней происходят. В этом смысле они выступают как «правила игры в обществе, или, точнее, придуманные людьми ограничения,

которые направляют человеческое взаимодействие в определенное русло». [11, с. 11]

Структурно-организационные элементы политической системы и, прежде всего, государство с его многочисленными институциональными формами (учреждениями) автор рассматривает в качестве объекта адаптации со стороны действующих лиц социальной и политической жизни. [см. подр.: 5; 16]) В процессе такой адаптации акторов приспособливают новые (в контексте нашего предмета – заимствованные и внедренные «сверху») организационные и нормативные формы институтов для собственных потребностей и интересов, «присваивают» и используют их благодаря соответствующим адапционным поведенческим моделям и практикам, что способствует модификации первоначальных содержательных и функциональных характеристик соответствующих заимствованных институтов и укоренению их в определенную систему институционального порядка (П. Панов).

С другой стороны, существует мнение, что в отличие от субъекта адаптации – носителя и источника активности, объект адаптации – это фрагмент реальности, который имеет непосредственное отношение к реализации потребностей субъекта адаптации. Такая позиция как бы отказывает политическим институтам в возможности играть роль субъекта адаптации. Но согласно постулатам теории рационального выбора институциональная структура не является «объективно заданной», а выступает продуктом рационального выбора взаимодействующих акторов. Однако созданные акторами институты, так или иначе, становятся «внешними» для каждого из них ограничениями, то есть «объективной реальностью». И, поскольку трансформации в институциональной структуре любого общества происходят постоянно, акторы вынуждены как адаптироваться к ограничениям, которые налагают на них существующие правила и

институты, так и одновременно изменять институты и правила для улучшения своего положения.

Специфика рассмотрения политико-институциональных процессов адаптации в пределах заявленной автором темы заключается в том, что речь идет не о долгосрочных эволюционных процессах развития институтов, а о ситуации бифуркационных изменений социетального характера, когда происходит так называемый «институциональный взрыв» (Е. Головаха), результатом которого является стремительное разрушение всей прежней системы общественных отношений как основы определенного институционального строя. «На процессы адаптации осуществляет большое влияние «кризис ценностей», который еще более усугубляет и без того высокую нестабильность социальной среды. При этом изменения, происходящие в этой среде, далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. При таких условиях существенно возрастает значение обратных связей, механизм реализации которых тоже пока находится в неустойчивом состоянии». [4, с. 25]

Стоит отметить, что практика заимствования политических институтов с их последующей адаптацией и укоренением в новую социальную среду далеко не нова. Однако научная концептуализация указанной проблемы произошла только во второй половине XX века, что связано с ускорением глобальных общественных трансформаций и возникновением на фоне «информационно-коммуникативной революции» так называемого «демонстрационного эффекта» как характерной черты «третьей волны» мирового процесса демократизации (С. Хантингтон). Распространение «образцов» политических институтов западных демократий приобрело беспрецедентные темпы. При этом в прошлом такие страны, как Италия, Германия, Япония и другие перенимали политические формы организации своей жизни

медленно, одновременно с развитием рыночных экономических отношений и становлением гражданского общества. Такой «послойный импорт» как импорт совсем не воспринимался и потому не отторгался.

Аналогичный процесс в постсоветском мире имел совсем другой вид. Еще в начале 90-х годов XX-го века, Клаус Оффе отметил специфику ситуации во всех странах бывшего социалистического лагеря, номинировав ее как «дилемму одновременности». Она заключалась, по его мнению, в необходимости одновременного введения экономических институтов рынка и политических институтов демократии. По К. Оффе, наличие такой дилеммы делает перспективы развития работающих политических институтов весьма проблематичными, так как правовая и представительная политическая система может стать адекватной и устойчиво легитимной только в случае достижения страной определенной степени автономного экономического развития. [цит. по: 15, с. 452-453, 462]

Общая логика и механизм институциональных изменений в постсоветских странах с точки зрения большинства транзитологов заключается в слове «старого каркаса» формальных институтов, заполнении институционального вакуума неформальными взаимодействиями, после чего наступает этап выработки и установления, новых правил игры, а также происходит относительная стабилизация институционального пространства. В результате происходят изменения сети взаимосвязанных норм и правил, которые управляют социальными взаимоотношениями и связями социальных акторов. Такие обстоятельства нарушают стабильное взаимодействие социальных акторов по поводу распределения ресурсов, поскольку существующие правила начинают противоречить этим целям. Следовательно, на переходном этапе развития в трансформирующемся обществе действуют сразу и старые, и новые

правила, что определяется термином «двойная институционализация». В дальнейшем новые практики постепенно вписываются в поле политического взаимодействия и воспроизводятся. Разрушение старых практик, таким образом, является основой для изменений в жизни населения, усвоение новых ориентиров и выработка новых стратегий действия. Понятно, что, стремясь к доминантному положению, отдельные группы акторов навязывают другим свои правила.

Как считает А. Д. Хлопин, неэффективность и одновременная устойчивость неэффективных политических институтов, действующих в большинстве постсоветских государств, обусловлена «разрывом» между реальными практиками и формальными правилами. Для того, чтобы обойти, нарушить или иным образом приспособить к своим целям формальные предписания, акторы вынуждены их изучать. В итоге происходит подмена «игры по правилам» в «игру с правилами», а сами акторы попадают в ловушку: заимствованные, скопированные институты остаются для них функционально необходимыми и при этом обречены на слабость и неэффективность. Они не способны выполнять ни нормативную функцию, ни функцию социализации. [15, с. 452]

Исследователи постсоветских обществ отмечают, что, например, в Украине и России сегодня происходит «умышленное создание устойчивых неэффективных институтов, служит максимизации выгод правящих групп, которые пытаются монополизировать политическую ренту». [3, с. 24] То есть, элитные игроки политической сцены демонстрируют вполне сознательные действия по консервации такой системы политических институтов, отнюдь не соответствующих объективным требованиям модернизации политической системы в сторону дееспособной демократии. Поэтому важно учитывать двусторонний характер процесса институциональной адаптации. Понимание этой диалектической

закономерности позволяет, вслед за Л. Корель, говорить о коадаптации, т. е. взаимном приспособлении субъектов (массовых, групповых и индивидуальных) к определенным институтам, адаптации (через трансформацию, модификацию и т. д.) их структуры, содержания и функционального алгоритма для собственных нужд. В свою очередь, относительно устоявшиеся формы институциональных структур и основных правил политического взаимодействия накладывают на личность определенные ограничения и обязательства, из-за чего в долгосрочной перспективе происходит процесс политической социализации и интериоризации. Последнюю можно понимать как «процесс заимствования из внешней среды определенных сведений и их усвоение в качестве знаний, умений, норм, образцов поведения, ценностей». [13, с. 151]

Но при этом следует в обоих аспектах анализа исходить из того, что именно субъекты/акторы является движущей силой адаптационных процессов, именно их действия и взаимодействия лежат в основе как консервации, так и изменений институционального порядка. [12, с. 52] Наиболее распространенные адаптационные практики населения относительно новых, заимствованных политических институтов широко известны. Это, например: 1) «институт взятки» (как попытка заставить власть принять решение в интересах индивида или группы), 2) «институт блат» (как опосредованное «представительное» участие гражданина в принятии властного решения в свою пользу через знакомых, протекцию, личностные связи и др.), 3) «институт саботажа» (что проявляется в пассивном неподчинении властным решением и абсентеизм), 4) «институт бегства» (как полное отстранение от политики в любом виде), 5) «институт публичного протеста» (в виде митингов, забастовок, публичных заявлений, петиций и других форм прямой демократии). [1] При этом институты здесь понимаются не в общепринятом смысле, а

как социально-политические практики.

В целом большинство трансплантированных формальных институтов постепенно обретают существенные признаки «подрывного института». Вводя это понятие, В. Гельман подчеркивает, что некоторые неформальные институты, подобно болезнетворным бактериям, «паразитируют» на формальных, «оккупируют» их изнутри и «подрывают» их функционирование. Согласно этому взгляду, «формальные и неформальные институты не противостоят друг другу, а находятся в состоянии своеобразного симбиоза, который ведет к тому, что под формальной оболочкой механизмы, призванные обеспечить демократию и верховенство права, или разрушаются, или превращаются в полностью противоположное явление». [2, с. 7-9] Соответственно, это приводит к кризису политико-институциональных отношений, крайне опасному для общества в целом. Однако существует небезосновательное утверждение, что сам кризис – это средство адаптации идеальной модели по реальным условиям. В том случае, если адаптация будет успешной, это даст обществу определенные преимущества в решении его насущных проблем. Соответственно, провальная адаптация будет означать разрушение модели.

Выводы, которые, безусловно, нуждаются в более подробном выяснении и эмпирическом подтверждении, можно свести к следующему:

1. Анализ литературы демонстрирует разноплановость и противоречивость понимания феномена «институт», механизмов политико-институциональных изменений и причин институциональных девиаций в трансформирующихся обществах, что объясняется органической укорененностью в природе «института» двух взаимосвязанных, но различных по своей природе составляющих: структур и действий субъектов. Дальнейшие исследования механизмов политико-институциональной адаптации требуют выработки конвенциональных представлений о

нем, которые смогли бы интегрировать научные труды различного профиля.

2. Заимствование идей, институциональных форм и правил политической жизни не является чем-то уникальным в истории человечества. Специфика таких заимствований в странах бывшего Советского Союза состоит в ускоренном и принудительном характере внедрения институциональных нововведений. При этом реформаторы не принимали во внимание историческое наследие и социокультурный контекст соответствующих стран (за исключением, пожалуй, постсоветской Прибалтики), пытались реформировать политические институты, используя стратегии «догоняющей», имитационной и мобилизационной модернизации.

3. Сам темп и характер политико-институционального строительства в значительной степени зависел от объективных условий, сложившихся на момент распада СССР и начала формирования новых политических систем на обломках бывшей суперсистемы.

4. На начальном этапе неформальные социальные практики взаимодействия политических акторов, прежде всего, из элитного круга, возникли как закономерная реакция на отсутствие опыта, а также конституционных и регулятивных правил. Желание политических акторов получить, закрепить и легитимизировать свои позиции в поле государственной власти вполне соответствовало самой природе политико-властных отношений. С определенной долей допущения можно считать феномен «неформальных» моделей взаимодействия политических субъектов одним из функциональных элементов в механизме политико-институциональной адаптации.

5. Дальнейшее распространение неформальных практик и их внедрение в деятельность трансплантированных институтов демократического народовластия, таких, как выборы, парламентаризм, президентализм, многопартийность и т. п., приводит к эффекту искажения содержания

и функционального алгоритма указанных институциональных форм. Одновременно, через различные типы защитных и компенсаторных адаптационных практик субъекты микро- и макроуровней социальной организации приспособливают эти формальные институты «под себя». Возникает ситуация «институциональной ловушки», когда удобные и полезные для определенных субъектов заимствованные институты не выполняют важные функции волеизъявления, социализации и нормотворчества, однако, отказ от них по ряду причин уже невозможен.

6. В ряду условий, которые могут способствовать возникновению конструктивных и инновационных типов адаптационных практик политических субъектов, важную, однако недостаточную роль играют факторы долгосрочности и стабильности конституционных правил политического взаимодействия.

Учитывая глубину и противоречивость

процессов политико-институциональной адаптации, которые с трудом подлежат эмпирическому исследованию, их прогнозирование представляется достаточно сложным. Тем не менее, автор считает, что демократический вектор развития Украины может быть сохранен при условии возникновения в том или ином виде институтов и соответствующих им практик гражданского давления и контроля за властью снизу. Учитывая, что процессы институциональной эволюции являются постепенными и растянутыми во времени, можно надеяться на то, что тенденция постепенного «взросления» украинского общества, которую сегодня фиксируют социологи, по крайней мере, в поведении электората, охватит и более широкую сферу мотивированного участия групповых и индивидуальных субъектов политики, а также практических действий по выработке настоящих инструментов народовластия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиев И. В. Демократия, не востребованная народом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grany-center.org/position/publications/details_136.html>.
2. Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России / В. Гельман // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С. 6-24.
3. Гельман В. Россия в институциональной ловушке / В. Гельман // Pro et Contra. – 2010. – Том 14. – № 4-5. – С. 23-38.
4. Дискин И., Авраамова Е. Адаптация населения и элит / И. Дискин, Е. Авраамова // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 24-33.
5. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 3-16.
6. Карпьяк О. М. Політична адаптація в системі політичних відносин (теоретико-методологічний аналіз): автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. політ. наук: спец. 23.00.01 / Карпьяк Олексій Михайлович – К., 2010. – 15 с.
7. Карпьяк О. М. Політична адаптація: проблема визначення в сучасній системі соціально-політичних знань / О. М. Карпьяк // Грані. – 2012. – № 3 (83). – С. 100-103.
8. Корель Л. В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики: моногр. / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 423 с.
9. Ларцев В. Иезуитские маневры в сторону управляемой демократии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <<http://analitica.kiev.ua/invest/extra/3100>>.
10. Мілюкова А. О., Степанова Н. Є. Взаємодія політичних суб'єктів та інститутів у світлі новітніх соціальних теорій / А. О. Мілюкова, Н. Є. Степанова // Вісник Одеського

національного університету. Серія «Соціологія і політичні науки». Збірник наукових праць. – Одеса, 2011. – Том 16. – Випуск 8. – С. 101-117.

11. Норт Д. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки/Д. Норт // Пер. з англ. І. Дзюб. – К.: Основи, 2000. – 198 с.

12. Панов П. В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей / С. В. Патрушев, С. Г. Айвазова, Е. А. Гвоздева [и др.] // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 43-92.

13. Рубчевский К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация/К. В. Рубчевский//Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 147-151.

14. Ситнова И. В. Ментальные ограничения институциональных изменений в современной России/И. В. Ситнова//Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3 (103). – С. 18-29.

15. Хлопин А. Д. Деформализация правил и институциональные ловушки в России / С. В. Патрушев, С. Г. Айвазова, Е. А. Гвоздева [и др.] // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 448-463.

16. Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций / М. А. Шабанова // Мир России. – 2001. – № 3. – С. 78-104.

Prezentat: 24 mai 2013.

E-mail: svetlana.naumkina@gmail.com